

ПАССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В.Р. Байрашева, В.Д. Соловьев

*Казанский государственный университет
Solovyev@tatincom.ru*

Несмотря на то, что пассивные конструкции, казалось бы, давно и хорошо изучены [1, 2], все еще остается ряд тонких моментов, требующих исследования. Статья посвящена описанию пассивных и некоторых других, похожих на пассивные, конструкций в татарском языке, их классификации и установлению связей между семантическими и синтаксическими свойствами этих конструкций. Исследование проводится в духе методологии референциально-ролевой грамматики Ван Валина [3].

Будем рассматривать субъектные и субъектно-объектные конструкции с глаголом в основном (действительном) залоге. Начнем с некоторой их классификации в зависимости от семантики субъекта в духе Филлмора [4]. Термин «субъект» в этой работе понимается как синоним слова «подлежащее».

В нижеприводимых примерах используются следующие обозначения:

АКК - аккузатив (винительный падеж), PL - множественное число, DAT - датив (направительный падеж), PASS - пассив (аффикс страдательного залога), REFL - рефлексив (аффикс возвратного залога), PRES - настоящее время, PAST - прошедшее время, LOC - локатив (местный падеж), 1 - первое лицо, единственное число.

А). Субъект - одушевленное существительное, инициатор и исполнитель действия. Для обозначения этой семантической роли Филлмор [4] предложил название «Агенс». Если переходный глагол обозначает некоторое активное действие, то объект этого действия называется «Пациенс». Он непосредственно вовлечен в описываемое в конструкции действие, пассивно испытывая воздействие Агенса. Будем говорить, что в этом случае мы имеем падежную (имеются в виду семантические падежи в смысле Филлмора) рамку: <Агенс, Пациенс>. В дальнейшем она будет короче обозначаться <Аг, Пац>.

Б). Субъект - неодушевленное существительное, оказавшееся причиной события. Например,

(1) *машина кеше-не бәреп ег-ты*

машина пешеход+АКК ударив сваи+PAST

‘машина сбила пешехода’.

- (2) *яңгыр-лар юл-ны ю-ган-нар*
дождь+PL дорога+AKK размой+PAST+PL
‘дожди размыли дорогу’.

Субъект в этом случае обладает какой-то энергией, необходимой для осуществления действия, но не обладает свободой воли. Семантическую роль такого субъекта будем называть, следуя [3], «Эффлектор». Объект здесь по-прежнему Пациенс. Падежная рамка - <Эф, Пац>.

В). Субъект - одушевленное существительное, находящееся в некотором состоянии или испытывающее ощущения, эмоции и т.д. Например, *мин өйне күрәм* ‘я вижу дом’. Семантическую роль такого субъекта принято называть «Экспериенцер». Объект (если есть) имеет семантическую роль «Тема» [3]. (В [6] он назван «Стимул».) Падежная рамка - <Эк, Тема>.

Рассмотрим реализацию пассивной трансформации в зависимости от падежной рамки.

А). Для падежной рамки <Аг, Пац> пассивная конструкция имеет классический вид. Она получается из активной в результате следующих изменений: 1) глагол меняет свой залог на страдательный, 2) Агенса удаляется с позиции подлежащего и, если выражается на поверхностном уровне, то в форме косвенного дополнения - с послелогом *тарафыннан*, 3) Пациенс поднимается в позицию подлежащего, естественно, со сменой маркировки с винительного падежа (или позиции непосредственно перед глаголом-сказуемым для неопределенных объектов) на основной падеж (и позиция непосредственно перед глаголом не обязательна).

Отметим, что все вышеперечисленные элементы обязательны. В некоторых языках (например, польский, см. [5]) допустима бесподлежащая пассивная конструкция, в которой пункт 3) не выполнен, т.е. Пациенс сохранил свою маркировку винительным падежом. Такую конструкцию называют понижающим пассивом. Татарский язык не допускает понижающего пассива (в рассматриваемой падежной рамке).

Б). Для падежной рамки <Эф, Пац> пассивная конструкция отличается от случая А тем, что пассивный субъект маркируется послелогом *белән*. Например,

- (2') *юл яңгыр-лар белән ю-ыл-ган*
дорога дождь+PL с размой+PASS+PAST
‘дорога размыта дождями’

В). По мнению Кибрика [6], пассив в падежной рамке <Эк, Тема> вообще невозможен. Нижеследующие примеры, однако, позволяют высказать иную точку зрения.

- (3) мин өй-не күр-ә-м. ↔ миңа өй күр-е-нә
я дом+AKK видь+PRES+1 я+DAT дом видь+PRES+REFL
'я вижу дом' 'дом вииден мне'

Отличие от обычного пассива состоит в том, вытесненный субъект маркируется не послелогом, как в случаях А и Б, а направительным падежом (дателью). В остальном же все признаки пассива налицо: перечисленные выше свойства 1-3 выполняются. Вторичные признаки пассива тоже присутствуют - изменился порядок слов, изменилась тема предложения. Вообще, отличие маркировки субъекта не должно вызывать беспокойства, хотя бы потому, что и в случаях А и Б маркировка пассивных субъектов различна. В пользу предлагаемой интерпретации этих конструкций свидетельствуют и данные других языков, в частности, русского.

Как правило, в литературе (см., например, [1]) дается суженное определение пассива, включающее требование маркировки вытесненного Агенса именно послелогоми *тарафыннан* или *белэн*. Кроме того, в падежной рамке <Эк, Тема> пассивное преобразование применимо к меньшему числу глаголов, чем в рамках <Аг, Пац> и <Эф, Пац>, т.е. здесь пассивизация менее продуктивный процесс. Видимо, это и не позволяло классифицировать предложения типа приведенных в примерах (1) и (2) как пассивные. Отметим, что в ряде других языков (русский, английский) пониженный субъект маркируется одинаково в падежных рамках с Агенсом и Эффектором. Это служит дополнительным препятствием для признания конструкций примеров (1), (2) пассивными. Именно данные татарского языка указывают на то, что требование идентичности маркировки пассива во всех падежных рамках не является обязательным.

Обратим внимание на выбор падежей при маркировке пониженных субъектов в пассивных конструкциях. Одним из типичных (прототипическим?) свойством Экспериенцера является то, что он воспринимает некоторые образы и, соответственно, получает определенные сигналы (звуковые и т.д.) от Темы. Таким образом, семантика Экспериенцера в значительной степени близка семантике Датива у Филлмора. В пассивной конструкции Экспериенцер кодируется именно Дативом. В то же время представляется, что функция Эффектора в семантически близка функции Инструмент.

Соответственно, Эффектор в пассивной конструкции маркируются послелогом с инструментальным значением.

Близкими к пассиву являются рефлексивные конструкции. Их объединяет непреходность глаголов в страдательном и возвратном залогах, т.е. не-выраженность на поверхностном уровне прямого дополнения. Другим объединяющим фактором является то, что возвратный залог часто используется именно в страдательном значении. Кроме того, в некоторых случаях (в основном для непреходных глаголов) аффиксы и страдательного и возвратного залогов имеет семантику, отличную от семантики пассива и рефлексива и требующую отдельного описания. Это указывает на целесообразность их совместного рассмотрения.

Вообще возвратный залог имеет целый ряд различных семантических функций. Начнем рассмотрение со случаев использования возвратного залога в собственном значении - направленность действия субъекта на себя.

Возьмем две последовательности предложений, демонстрирующих стадии трансформации из действительного залога в возвратный.

- (4а) *мин чирле кеше-не электробритва белән кыр-а-м*
я большой человек+АКК электробритва с брей+PRES+1
'я брею большого электробритвой'
- (4б) *мин үзем-не электробритва белән кыр-а-м*
я себя электробритва с брей+PRES+1
'я брею себя электробритвой'
- (4в) *мин электробритва белән кыр-ын-а-м*
я электробритва с брей+REFL+PRES+1
'я бреюсь электробритвой'
- (5а) *мин улым-ны буш өмет-ләр белән алда-ды-м*
я сын+АКК пустой надежда+PL с обманывай+PAST+1
'я обманул сына пустыми надеждами'
- (5б) *мин үзем-ны буш өмет-ләр белән алда-ды-м*
я себя пустой надежда+PL с обманывай+PAST+1
'я обманул себя пустыми надеждами'
- (5в) *мин буш өмет-ләр-гә алда-н-ды-м*
я пустой надежда+PL+DAT обманывай+REFL+PAST+1
'я обманулся пустыми надеждами'

Казалось бы, обе серии предложений 4а - 4в и 5а - 5в имеют одинаковую структуру. Почему же в серии 5 происходит смена маркировки косвенного дополнения именно на последнем этапе?

В качестве гипотезы предлагается следующее объяснение.

Оба предложения 4а и 5а имеют падежную рамку <Аг, Пац>. Однако в предложении 5а объект - сын - имеет две семантические роли - Пациенс, как испытывающий действие Агенса и Экспериенцер, как ощущающий определенные эмоции под влиянием Темы. Таким образом, в этом предложении содержатся две падежные рамки: <Аг, Пац> и <Эк, Тема>, соответствующие двум перспективам, выбираемым для описания ситуации: с точки зрения Агенса и с точки зрения Экспериенцера. Двойная семантическая роль и у сочетания *пустые надежды* - это и Инструмент и Тема, в зависимости от точки зрения. Но при этом падежная рамка <Эк, Тема> является виртуальной - она не реализована на поверхностном уровне. Она как бы подавлена доминирующей рамкой <Аг, Пац>. В предложении 4а такой побочной подавленной рамки нет. В 5б обе рамки сохраняются. При этом именная группа *я* имеет одновременно семантические функции Агенса, Пациенса и Экспериенцера. В 5в же, после устранения из поверхностной структуры предложения прямого дополнения, вместе с ним исчезает и активный аспект глагола *обмануть*, а с ним и функции Агенса и Пациенса, т.е. вся падежная рамка <Аг, Пац>. В то же время экспериенциальная семантика слова *я* сохраняется. Сохраняется и рамка <Эк, Тема>, которая, оставшись единственной, автоматически повышается до статуса доминирующей.

Это приводит к тому, что меняется семантическая роль именной группы *пустые надежды*. Из Инструмента в 5а она превращается в Тему в 5в.

Предлагаемая трактовка хорошо согласуется с Принципом суперпозиции Шаумяна [5], согласно которому на первичную синтаксическую функцию некоторой единицы может накладываться вторичная синтаксическая функция. Особенностью применения Принципа суперпозиции здесь является то, что вторичная функция остается нереализуемой на поверхностном уровне, и может проявиться лишь при определенных трансформациях фразы.

Это весьма редкий случай изменения семантической роли слова при трансформациях поверхностной структуры предложения. Естественно, что изменение семантической функции требует и изменения маркировки. Какая маркировка может быть выбрана языком? Аккузатив невозможен, т.к. глагол *обманулся* непереходный; можно считать, что на глубинном уровне валентность прямого дополнения занята словом *себя*. Возможно, что и здесь имеет место нечто вроде правила Комри [7] о занятии свободной синтаксической позиции с наивысшим рангом, предложенного им для совершенно иной области - каузативных конструкций. Такой позицией в данном

случае является позиция непрямого дополнения, маркируемая направительным падежом. Обращает на себя внимание смена маркировки косвенного дополнения при переходе к возвратному залогу и при наличии экспириенциального глагола.

Предложим некоторую синтаксическую классификацию конструкций с переходными глаголами в страдательном и возвратном залогах.

Так как глаголы в этих залогах не допускают прямое дополнение, то у соответствующей семантической компоненты исходной активной конструкции с глаголом в основном залоге имеются три логические возможности - или занять позицию подлежащего (I), или быть выраженной в виде косвенного дополнения (II), или вообще исчезнуть (без возможности выражения) из поверхностной структуры предложения (III).

В случае (I) субъект может: быть выраженным в виде косвенного дополнения (1), совпасть с объектом (2), и быть удаленным (опять-таки, без возможности выражения) из структуры предложения (3).

Случай I.1 соответствует классическому пассиву, случай I.2 - рефлексиву. Случай I.3, известный в литературе под названием антикаузатив, представлен следующим примером:

- (6) *ишек яб-ыл-ды*
дверь закрывай+PASS+PRES
'дверь открылась'.

В случаях II, III субъект остается в позиции подлежащего. II представлен примером

- (7) *чучка ир-не чоки-й* ↔ *чучка ир-дә чоки-н-а*
свинья земля+AKK ковыряй+PRES свинья земля+LOC
ковыряй+REFL+PRES
'свинья роет землю' 'свинья роется в земле'

Случай III представлен примером

- (8) *мин чемодан-лар жы-я-м* ↔ *мин жые-н-а-м*
я чемодан+PL укладывай+PRES+I я укладывай+REFL+PRES+I
'я собираю чемоданы' 'я собираюсь'

Заключение. В работе предложен новый взгляд на пассивные конструкции в татарском языке. Введена классификация типов преобразований, определяемых аффиксами страдательного и возвратного залогов в зависимости от падежной рамки исходного предложения и семантико-синтаксических свойств возникающих конструкций. Полученные результаты подтверждают выводы

Кибрика [6] о глубокой взаимосвязи способов кодирования аргументов и их семантических функций.

Авторы выражают глубокую благодарность Сафиуллиной Ф.С. за помощь в работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Татарская грамматика*, том II. Казань, Татарское книж. изд., 1993.

2. Зинатуллина К.З. *Залоги глагола в современном татарском литературном языке*, Казань: Таткнигоизд., 1969.

3. Van Valin R. D. Jr. A synopsis of Role and reference Grammar. In *«Advances in Role and Reference Grammar»*, Amsterdam, 1993.

4. Филлмор Ч. Дело о падеже. В сб. *«Новое в зарубежной лингвистике»*, М.1981, вып.10.

5. Shaumyan S. *A Semiotic Theory of Language*. Indianapolis, 1987.

6. Кибрик А.Е. *Неканоническое кодирование центральных аргументов: асимметрия агентивных и экспериенциальных глаголов*. Труды междун. семинара «Диалог'98», Казань: КГУ, 1998.

7. Comrie B. *The syntax of causative constructions: cross-language similarities and divergences*. In *«Syntax and semantics»*, v.8, New York, 1977.